

АВСТРАЛИЙСКИЙ СОЛДАТ ДЖОУ МЭЙДЛИ (JOE MADELEY) РАССКАЗЫВАЕТ ОБ ОБОРОНЕ ТОБРУКА И ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОМ СРАЖЕНИИ

Джоу Мэйдли (1920-2016)

Расскажите о себе.

Меня зовут Джоу Мэйдли. У моего отца была ферма, которую ему продали на западе Нового Южного Уэльса рядом с городком Уитэли (Weethalle). Мы выращивали пшеницу, разводили овец. Мне было четыре года, когда мы переехали на ферму. С детства я был научен пасти лошадей, с лошадьми я был на «ты». В начальную школу я ходил пешком, в среднюю ездил верхом. В 15 лет я пошел работать, тоже на ферму. Возился с лошадьми, ну и с разной техникой, само собой. Было много занятий спортом. Все ребята в ней были фермеры и их сыновья. Мы даже выиграли местное первенство один раз. Еще я играл в регби в школьной команде. Скучать нам было некогда. Заикнись только, что тебе скучно, и отец говорил: «Вот тебе топор, вот тебе дерево! Не возвращайся домой, пока не свалишь его!»

Наша жизнь была счастливой. Хорошо мы жили, хотя время было крутое, часто были засухи, была *[Великая] Депрессия* и все с ней связанное, но у нас всегда было достаточно еды. Поскольку у нас были овцы, у нас было свое мясо, были свои коровы, и было молоко, масло и все такое. Мы жили довольно неплохо... Еще мы выращивали картофель, ловили кроликов. Стреляли их, ловили в силки. Я в семье был главным ловцом кроликов.

Когда началась война, это было мой первый шанс уйти с фермы. До этого я никогда не бывал в большом городе, никогда не видел Сиднея, ничего подобного не видел. И так случилось, что тогда была сильная засуха, и на ферме не было работы... Какое-то время я работал на оловянном руднике, месяца два или три. Разрешение на уход в армию должен был подписать мой отец, потому что мне было только 19.

Были ли у Вас какие-то сомнения в правильности такого выбора?

Нет. Мой отец был солдатом, который пришел с Первой [Мировой] войны. Когда-то я слушал его рассказы о войне и всегда хотел стать солдатом, как мой отец.

А не было ли у Вас таких мыслей: «Бог ты мой! Это не наша война. Почему Австралия должна встречать в это?»

Нет, что вы. В те времена Англия была нашей матерью. Австралия принадлежала Англии. Мы приходили в школу, по утрам там поднимали флаг, и мы салютовали ему. Когда Англия вступила в войну, это означало, что и мы находимся в состоянии войны...

В итоге, я получил телеграмму о том, что мне нужно прибыть в город Уогга (Wagga-Wagga) в такой-то день на призывной пункт. Нас было семь или восемь парней, приехавших туда из Уитэли. Там, в военном лагере, мы проходили боевую подготовку. Жили в палатках. Для начала это была стройподготовка, потом марш-броски, стрельбы. Я всегда хорошо стрелял, как и все мы, сельские парни. У каждого из нас раньше было ружье, лет с шести-семи, - ружье, чтобы охотиться на лис, динго, кроликов.

Полагаю, Вы отправлялись в путь за моря со всеми своими приятелями?

Точно, вся толпа. Кит Боулз (Keith Bowls) тоже был из Уитэли, мы вместе записались в армию, в школу ходили вместе. Еще были ребята из Уитэли: Бэкстер (Baxter), Боб Пэйджингтон (Bob Pajington), Фрэнк Ирвинг (Frank Irving). Еще был Кен Кратчет (Ken Crutchet) и другие ребята из Уайлона (Wylon), что неподалеку от нас... Отплыли мы из Сиднея на *Queen Elizabeth*. Там меня сразу скрутила морская болезнь, прямо с первой минуты в море...

Потом мы остановились в гавани, уже в конце Суэцкого канала, недалеко от Порт-Саида. Там на шлюпках мы добрались до берега... Было это, вроде, в апреле 1941-го. Да, в апреле, потому что 13-й Батальон в то время был в Тобруке. Мы представляли собой подкрепления для 13-го Батальона. Нас на поезде перевезли в лагерь рядом с Газой, лагерь назывался *New Yardley*. Там мы на несколько дней возобновили подготовку, точнее, на две или три недели, и оттуда нас перебросили в [Тобрук](#).

Мы прибыли туда ночью, само собой, и выгрузились. Суда могли находиться в гавани только очень короткое время. Если вы не успели выгрузиться, вы отправлялись назад, поскольку никто ждать не собирался. Суда должны были пройти на пути назад мимо Мерса Матрух/Mersa Matruh до восхода луны, а в месяце были только определенные дни без луны, когда суда могли пройти в Тобрук. Так что все подкрепления вроде нас и материалы нужно было по-быстрому выгрузить, занести на борт раненых и сразу назад. Но эти ребята – английские военные моряки - были молодцами. Просто невероятно эффективно делали свое дело... В наши дни это заняло бы два-три дня – то, с чем они управлялись за два или три часа.

Вы чувствовали себя хорошо подготовленным к бою?

Ну, мы так думали. Мы никогда ни в чем таком не участвовали и были деревенскими ребятами, довольно крепкими физически. Хорошо помаршировали и все такое, но от стройподготовки и всего этого мало пользы, когда ты уже на фронте. Знаете, это учит вас действовать вместе, в одной команде. Начинаешь понимать, что можешь положиться на своих товарищей, и это самое главное.

Ваша рота полностью состояла из новичков, или в ней были парни постарше?

Почти все были новичками. 13-й Батальон побывал в боях под Бенгази, и их отогнали назад к Тобруку. Наше отделение, точнее, наш взвод, 8-й Взвод, уже повоевал против *джерри*, многие из него погибли, некоторые попали в плен. То есть, в тот момент отделения проходили реорганизацию, и я оказался в 4-м Отделении, капралом которого был человек еще из первоначального состава батальона, участвовавший в боях. Таких было еще несколько. Остальные были парнями из Уогги. Со мною был и Кит Боулз, о котором я вам

говорил, Кен Кратчет, Джек Стюарт (Jack Stuart) и Джек Уайт (Jack White). Все мы были добрыми друзьями. Все прибыли со мной на одном судне.

Должно быть, Вы были этому рады...

Да, очень был рад. Мы держались вместе. Кит Боулз был с нами, пока не получил тяжелое ранение под Эль-Аламейном – он так и не вернулся в наше отделение. Он пережил войну, но сейчас его уже нет. Я – единственный, кто еще жив из нас всех. У меня дома есть фотография, которую сняли, когда мы покидали Тобрук, - на ней все мы... Один я остался. Грустно, в самом деле. Может, живу слишком долго!

Когда мы прибыли на место, мы оказались сразу на передовой. На следующее утро мы оказались уже в непосредственной близости от немцев. Просто голову нельзя было поднять в дневное время: было слышно, как они переговариваются, настолько они были близко. Это было наихудшим местом в Тобруке, самым неприятным. В этом месте мы и влились в 13-й Батальон, который провел там всего две или три недели. Потом нас вывели оттуда. Не думаю, что к такой жизни можно было привыкнуть: мы жили в норах, по два человека в одной норе, и из норы в нору можно было только переползти по [неглубокой] траншее. Были мелкие траншеи, по которым ползали, а все остальное приходилось делать прямо в норе. Выбраться из них было невозможно, у многих парней развилась дизентерия. Просто приходилось пользоваться лопатой, когда появлялась возможность...

Тобрук, 1941. Австралийцы в окопчике рядом с одной из «нор». Видно, что они приспособили вентиляционные трубы, вероятно, с потопленных в гавани Тобрука судов, для своих нужд...

<https://www.awm.gov.au/visit/exhibitions/tobruk>

Нас мучили мухи, блохи и все тому подобное. Просто с ума можно было от них сойти. Когда ешь, пытаешься заткнуть ложку в рот молниеносно, а то они все облепят. Не знаю, наверное, мы съели кучу мух. И у тебя нет шансов получить достаточно воды. Приходит момент, и ты понимаешь, что это все, на что ты можешь рассчитывать, и тебе уже любопытно, как такое существование возможно. Но... выживаешь... Так и сидишь с одним и тем же парнем целый день.

Должно быть, скука страшная?

Да, уж такая скука... Пытаешься спать, потому что ночью идти в патруль. В карты играли. Ну, вскипятишь кружку чая, поговоришь о том, о сем, но, в основном, пытались спать. Теперь и сам не понимаю, как мы там жили. Вспоминаю и думаю: «Как мы умудрились выживать там на протяжении восьми месяцев?»

Что Вы чувствовали во время ночного патрулирования? Было это большим испытанием для ваших нервов?

Ну, было немного такого, но к этому привыкаешь. Это было хоть каким-то делом, но нужно было оставаться осторожным – знаете, мины-ловушки и все такое... Вот еще одно – удивительно то, как ты привыкаешь к этим штукам. Самая малость – идешь и чувствуешь мельчайшую разницу в грунте под ногами: где-то чуть-чуть помягче, где-то пинаешь что-то. Просто сразу это ощущаешь. А еще они [немцы] были мастерами в пальбе осветительными ракетами. Слышишь щелчок, уже знаешь, что это выпалили ракету, и автоматически падаешь на землю. Все вокруг сразу становится освещенным, но, если ты лежишь на земле, они тебя не увидят.

Как-то раз мы наткнулись на немецкий патруль, и мы их отогнали. Было это раз или два. Были разные патрули: основные, разведывательные, вылазки, чтобы удостовериться в том, что они не переместили свое пулеметное гнездо ближе к нам, чтобы вывести из строя какие-то их артиллерийские позиции или что-то вроде того. Но наши потери при патрулировании были небольшими, мы больше теряли от ежедневных артобстрелов.

Рядом с Вами мины падали?

Да, конечно, такое случалось. Один из моих приятелей был ранен осколком мины. Ты знаешь, что у них достаточно снарядов для того, чтобы положить один туда, где находишься ты. А потом еще вот что – их самолеты все время бомбили гавань, а когда они уходили домой, их задние стрелки проходились и по нам. Это было нечто... Но мало кого этим зацепило. Если ты остаешься под землей и у тебя каска на голове, с тобой все будет в порядке... Но ты все время должен быть начеку. Ни в коем случае не расслабляйся, пока тебя не отправили в тыл. Время от времени нас отводили с передовой. Все время там находиться невозможно.

И как это происходило? Три недели на линии, три недели в тылу?

Где-то так, да. Потом тебя могли перебросить на другой участок, который был поспокойнее. На некоторых участках можно было передвигаться выше бруствера... разве что нельзя передвигаться группами или типа того, по три-четыре человека. Могут и шарахнуть...

Должно быть, запах от Вас был не очень?

Да, само собой. Но к этому привыкаешь и его не замечаешь. Все воняли. Шансов помыться не было...

В тылу мы играли в *Two Up*, в крикет и все такое, если было место где-нибудь в овраге. Всякое делали даже в патруле: пару раз привязывали к колючей проволоке какие-то тряпки прямо напротив их позиций ночью, чтобы дать понять – мы побывали здесь ночью. Просто чтобы позлить.

Дощечка для игры в Two Up – разновидность игры Орел или Решка

Как-то раз у нас было с ними перемирие. Ночью мы атаковали, это был не наш батальон, другой, но им крепко вломили по зубам, да и немцам досталось. Хотели их потеснить, атаковали с небольшого подъема. Ну, на следующий день смотрим – напротив нас валяются убитые и раненые, и кто-то вывесил белый флаг. Они сделали то же самое, так что мы вышли и похоронили убитых... Немцы делали то же самое. Они забрали своих раненых, подъехали санитарные машины и вывезли наших раненых.

Испытывали ли Вы какое-то уважение к немцам?

О, да. Как-то раз – это случилось во время перемирия, когда снимали осаду – у нас оказались пленные, только на пару ночей, насколько я помню. Наш взвод отвечал за охрану военнопленных, которые поступали с поля боя. Мы сидели и болтали с ними. Все у них было то же, что и у нас, те же дела... Они все время жаловались на плохое питание и тому подобное, и мы сказали им, что у нас еда получше. Им понравилась наша консервированная говядина, а нам что-то из их еды...

Мы уважали немцев еще и потому, что они были хорошими солдатами, перевязывали наших раненых и ухаживали за ними, если кто-то попадал к ним в плен. Еще нам нравился их пулемет *Шпандау/Spandau* (*собирательное название трофейных немецких пулеметов, популярное среди британцев – ВК*) – самый лучший из всех. У него было питание лентой, и он стрелял в любых условиях, да еще в два раза дальше, чем наш. Так что это был призовой трофей, если он вам доставался.

Все австралийцы должны были покинуть Тобрук в октябре, так что мы уже ждали у причала, но судно, которое должно было забрать нас, было потоплено. Нам пришлось возвращаться. Другого шанса у нас не было: я говорил о том, что судно могло прийти или уйти только в безлунную ночь. Нам пришлось возвращаться на передовую, нашему 13-му Батальону. Там я попал под трибунал, потому что позарился на продуктовые пайки... Мы [перед уходом] раздали все наши продукты и боеприпасы, а нас расположили прямо продуктового штабеля англичан.

Нас поймали и отдали под суд. Британцы нас схватили: капитан, майор и лейтенант в красных английских беретах. Отвели нас к нашему старому полковнику прямо с ящиками с консервированной колбасой – четыре ящика у нас было, так и тащили их на плечах. Полковник, узнав обо всем, сказал: «Меня не волнует то, что вы стащили продукты, но четверо моих парней дали британцам арестовать себя!» Вот что его возмутило... Но как-то все обошлось: нас защищал один из наших офицеров.

Осада окончилась 7 декабря. 16 декабря мы вернулись в Тобрук, там было несколько торжественных маршей, сходили мы на кладбище, увиделись с теми, кто там лежал, а затем ушли. В первую ночь мы остановились на границе Египта и Ливии, где сели на поезд неподалеку от Сиди Барани/Sidi Barani. Доехали до Амареи/Amareya (*пригород Каира – ВК*), где в первый раз нормально поели. Ну а ехали мы в вагонах для скота. Никаких сидений, только солома на полу. Потом оказались в Палестине, где провели пару месяцев, вплоть до Рождества. Отдыхали, набирались сил. Вместо того, чтобы заниматься боевой подготовкой, мы отдыхали. Оттуда мы отправились в Сирию, где были заняты патрулированием побережья и границы с Турцией. Все это до того, как Роммель снова двинулся вперед. Сначала наши его отогнали до Бенгази или еще куда-то там, потом он снова погнал наших. Тогда-то нас и перебросили назад из Сирии. Мы-то думали, что отправляемся домой, поскольку другие [австралийские] дивизии отбыли назад, но не наша 9-я Дивизия. Когда нас сажали на поезд, мы думали, что едем домой, но вместо этого мы снова оказались в пустыне, в под Аламейном.

Были ли Вы довольны этим?

Нет. Мы все хотели домой. В это время *джалы* начали свое наступление на юг, по островам [Тихого океана]. Мы хотели защищать свою страну, но, так или иначе, все это случилось, конечно, ничего хорошего, но ты не будешь спорить по этому поводу.

Когда Вы узнали о [падении Тобрука](#)?

Когда мы были в Сирии. Мы пробыли там восемь месяцев и не могли поверить в то, что он сдался так быстро. Пару дней это заняло. Просто не верилось!

Вы злились?

Да, конечно... Мы были последним батальоном, который прибыл под Аламейн, все остальные уже были в боях до нашего 13-го... Мы пробыли там несколько месяцев до начала сражения. Так, патрули по дюнам, взад-вперед.

Вы – я имею в виду большинство людей - и правда сильно боялись того, что Роммель прорвется [к Нилу], правда ли, что все ожидали этого? Припоминаете ли Вы что-то вроде тревоги, или Вы всегда были уверены, что остановите его?

Нет, мы никогда особо не беспокоились. Мы никогда и не думали о том, что они смогут это сделать. Особенно на фоне того, что к нам шли подкрепления и танки... А когда мы видели немецкие танки, тогда у нас были шестифунтовки и противотанковые пушки, и все прочее, мы чувствовали себя вполне уверенно.

Сложилось ли у Вас какое-то мнение о генералах?

Да нет, они были где-то позади нас, и у нас с ними контактов не было. У нас не было контактов с ними [с высшим командованием], пока не пришел Монтгомери. Он дал возможность познакомиться с собой: он приезжал и осматривал войска. Вы не знали, когда он может появиться. Мы считали, что Монтгомери – это человек на своем месте, нам всегда нравилось, когда он снимал ту самую австралийскую шляпу: он толком не знал, как ее носить! В той шляпе он всегда выглядел ужасно. Время от времени он приезжал в войска, но других [старших офицеров] мы никогда не видели.

Северная Африка, 1942. Монтгомери с австралийской шляпой на голове...
<http://9thdivvy.blogspot.com/2008/08/image-monty-and-that-slouch-hat.html>

Были ли Вы в боях до [октябрьского сражения под Эль-Аламейном](#)?

Да, и довольно часто. Как-то ночью мы были в патруле. Пришлось пройти много ярдов в одну сторону, тысячу ярдов, а потом повернуть направо. Ни с чем таким не столкнулись. Мы знали, что там где-то есть пулеметное гнездо [немцев], поэтому повернули назад и вышли прямо в тыл этим пулеметчикам. С фронта у них было проволочное заграждение. Мы толком не знали, где они, пока не услышали, как кто-то сказал по-немецки: «Englander comment.» Они ждали, что мы приблизимся с другого направления, и стали бросать гранаты в сторону, противоположную от нас, но уже скоро они поняли свою ошибку, и нам пришлось удирать сломя голову. Постреляли, но на бегу, не останавливаясь. Помню, я подумал, что где-то рядом небольшой сухой ручей, и, если мы спустимся в него, пули будут пролетать над нашей головой. Вообще, показалось, что немцы запаниковали еще сильнее, чем мы.

Мы вернулись в штаб, ночь была с заморозком. Наши слышали весь этот шум, видели трассы очередей в небе и решили, что мы, наш патруль в беде. Мы, однако, вернувшись, непрерывно хохотали, и они сказали нам: «Какого черта вы все время ржете?», а мы не могли ничего объяснить. Это было нервное состояние, полагаю...

Мы устанавливали проволочные заграждения, рыли окопы, стояли укрепления на второй линии обороны, патрулировали, чтобы они [немцы] не подбирались слишком близко. Продолжали рыть окопы, а немецкая артиллерия нас обстреливала. Люди получали ранения, немало парней погибло, хотя, на самом деле, мы не были на передовой.

А в Каир Вы ездили в увольнительные?

Один раз, непосредственно перед Аламейнским сражением. Там почти весь Каир был готов переметнуться к немцам. Меня ни с того ни с сего вызвали в штаб, и я получил увольнительную в Каир еще с несколькими парнями из разных рот... Поглазели на пирамиды, на сфинкса и так далее. Сходили в бары, там я впервые встретил ребят-янки.

И чем Вы с ними занялись?

Пили так, что свалили их под стол.

Заносчивые?

О, да. Казалось, они думают, что все это [война] вроде как небольшой бизнес. Но, вообще, мы хорошо провели время в Каире.

Вы тогда были рядовым?

Нет. Рядовым я был в Тобруке. Перед Эль-Аламейнским сражением мы несколько недель подряд учились взаимодействию с танками, и подполковник сказал мне и Тому Данкену (Tom Duncan), что мы с ним примем под команду свои отделения. Я стал младшим капралом (Lance Corporal), а к началу сражения – капралом. То же случилось и с Томом Данкеном. Его поставили командовать 6-м Отделением, а меня – 5-м.

Значит, Вы обучались воевать вместе с танками?

Да, идти рядом с ними с примкнутыми штыками. Потом выдвигаться вперед, занимать что-то, а потом давать возможность танкам подвинуться дальше, а нам вслед за ними. Вроде, знали, что нас ждет. Но, когда начинается бой, все пройденные уроки... Ты никогда не знаешь, с чем столкнешься: с минными полями, о которых ты не знал, с минами-ловушками, с противотанковыми пушками, с пулеметными гнездами, с тем, что людей начнут убивать... С тем, что на проволочное заграждение идешь с базуккой в руках, что сейчас тебе придется

делать очень простые вещи, что продолжить наступление. Остановиться ты уже не можешь.

Итак, Вы знали, что сражение вот-вот начнется, знали, что это будет большой бой. Осталось ли у Вас хорошее впечатление от Монтомери?

О, да. Он был хорош. Он донес это до каждого, прямо до последнего человека, он удостоверился в том, что все об этом знают [о предстоящем сражении]. Он дал понять каждому, кто за что-то отвечал, даже офицерам, сидевшим в окопах и парням, которые подвозили питание к передовой, с чем им придется столкнуться.

Многое ли Вы помните о самом сражении?

Артподготовка началась без двадцати десять. Никто из нас до этого не видел ничего подобного. Даже представить себе было трудно, что кто-то из *джерри* уцелеет. Над головой летят снаряды, в небе осветительные ракеты – когда мы пошли в атаку сразу после 10, мы думали, что это будет просто прогулка. Но поразительным было то, что они уже вскоре пришли в себя. Мы тогда потеряли некоторых своих ребят. Мы шли настолько вплотную за огненным валом, что мы потеряли их еще до того, как вышли на стартовую линию...

Там были минные поля на многие мили, и о них никто толком ничего не знал. Когда началось сражение, многое расчистили, но потом наткнулись еще на одно с милю в ширину, и они [танки] не могли через него пробиться. Нам пришлось продолжить продвижение вперед, потому что мы шли за огненным валом, и было необходимо держаться за ним вплотную, чтобы не дать *джерри* высунуть головы и снова вступить в бой.

Думаю, я прожил три жизни за 24 часа. В первую ночь мы были без танковой поддержки, потому что танки не могли пройти через минные поля. Так что мы стали наступать с винтовками и примкнутыми штыками. К тому времени они [немцы] уже вели по нам ответный огонь. Повсюду были огневые трассы, было видно, как летят снаряды. Они освещали местность, и было видно, как они летят над пустыней. Ты думаешь о том, какой из них снесет тебе голову. Думаешь о каждом: «Ну вот, это мой.» Но когда продвигаешься вперед, ты должен упрятать эту мысль на задворки мозга, даже когда рядом с тобой зацепило твоего приятеля...

С Вами такое случалось?

Нас остановила пулеметная точка немцев. Парни, которые были перед нами, и старина Том Данкен, который стал капралом в один день со мной, вели огонь, и у него стали подходить к концу патроны. Джеки Лоу (Jacky Lowe) тащил боеприпасы, и я сказал ему: «Джеки, беги к Томми, у него патроны кончаются.» Он поднялся, и тут его прошило. Бедный парень лежал и рыдая, звал маму, когда я подобрался к нему, чтобы вынести его... Я заорал, чтобы подошли санитары с носилками, потому что не имел права останавливаться. Тут наш лейтенант поднялся, чтобы отдать приказ, но в него попали, и он свалился. После это зацепило командира роты, и он начал кататься по земле – парни падали там и тут, везде...

Рядом со стариной Томом лежал убитый малый, и я спросил: «Кто это, черт возьми?» Он был залит кровью, и узнать его было невозможно. Том сказал: «Это Локки. Старину Локки убили.» Хороший малый был, не пил, не курил, не сквернословил, все любили его. Он не знал страха, и мы не думали, что это может быть он. Он любил говорить: «Давайте-ка, парни, у нас работа, которую нужно сделать...»

Все это было за пределами того, что можно было себе представить. Потом появился вестовой и сказал: «Быстренько, мы отходим назад на позицию, которую занимали ярдах в двухстах отсюда, там мы перегруппируемся.» Я сказал: «Пошли, Том», оглянулся, и

увидел, что он все еще ведет огонь. Я утащил его оттуда, мы отошли и перегруппировались там, сзади, укрывшись в старых окопах, которые когда-то вырыли французы. Долго мы там не задержались, снова пошли вперед, и тут увидели *джерри*, которые бежали нам навстречу с поднятыми руками. Помню, много их было, пытавшихся спасти свои жизни. Кит Боулз был рядом со мной, и он сказал: «Вот как должно быть. Вот как нужно воевать – гляди-ка на них: бегут, долбаные черти.»

Немцы сдаются в плен австралийцам

<http://ww2today.com/31st-october-1942-el-alamein-australians-begin-to-break-through>

Так они и от Вас бежали... Вы стреляли по ним?

Когда ты в бою, у тебя нет времени, чтобы остановиться и подумать. Стреляй, или тебя убьют. У тебя и доли секунды не остается...

Вы не думаете о том, что это – человек, что у него есть мать и отец...

Нет, пока не прошли годы, пока все не улеглось. Тогда у меня начались кошмары...

А что случилось с тем парнем, которого ранило в живот? Он выжил?

Нет, он умер. Я видел фотографию его могилы, когда в октябре побывал под Аламейном...

Потом они контратаковали еще раз, но все кончилось для нас хорошо: уже подошли наши танки. Потом один из них наскочил на мину и загорелся... Наши силуэты стали хорошо видны. Танк повернул назад и въехал в нашу линию, такое случается. Не знаешь, какого черта они это сделали и для чего! *Джерри* стреляли по нам, всюду были видны трассы

очередей. Мы лежали на земле, и они выбивали нас одного за другим. Я уже думал, что буду следующим, но пытался отстреливаться.

Ваш Томпсон был с Вами?

Нет, только винтовка. Это была уже вторая. Первой пуля попала в затвор, и я подобрал другую.

Крис был рядом со мной, у него был *Томпсон*, и он сказал мне: «Смотри, Джоу, как нам повезло.» Посмотрел, а у него несколько магазинов в подсумке. Говорю ему: «Тебе в голову что-нибудь влетит, если ты ее не прижмешь к земле.» Сам я старался укрыть голову за каской... И тут Кит заорал... Я забыл про стрельбу и вскочил на ноги. Сначала я перевязал Криса, его ранило в плечо и локоть... Он уже не вернется в батальон. Когда мы покидали Уитэли, мать Кита сказала мне: «Присматривай за Китом, он ведь совсем ребенок.»

А куда его ранило?

В ступню. Похоже, его ранили наши же. Я пытался перевязать его, а он крутился на земле от боли. Я попытался перенести его на плечо, но он был крупным парнем. Мы упали, он запутался в колючей проволоке, и я запаниковал. Подумал: «Господи, это конец.» Кит продолжал орать. Я вспомнил, что говорил мне отец: «Будет туго, но в коем случае не паникуй. Запаникуешь – ты погиб.» Я вспомнил это, заставил себя успокоиться. Дал Киту пощечину, чтобы он заткнулся, и сказал ему: «Ради бога, не ори, ты нас обоих погубишь.» Потом мы избавились от колючей проволоки.

Похоже, нас на этой линии осталось всего двое. Рядом проходил танк, и я закричал что-то. Я знал, что нам нужно отойти ярдов на двести за невысокий бугор, и я сказал одному из танкистов, чтобы нас подвезли. Он отказался, тогда я взял гранату, вытащил чеку и залез на танк... В итоге, я уложил Кита за башней, сам укрылся там и сказал им: «На пару сотен ярдов назад.» Так они развернулись. Вместо того чтобы просто сдать назад!

Пули со звоном ударялись о башню, отскакивали от брони. Мы укрылись на не той стороне, на которой было нужно. Я перебрался на один борт, Кит на другой. Мы отъехали ярдов на сто, и я стащил Кита с танка. Он упал на раненую ногу, взвыл так, что у него чуть голова не слетела. Ну а танк поехал назад. Потом откуда-то появился грузовик, за рулем сидел парень, которого я знал раньше, - Мёрв Линеган (Merve Linegan). Он сказал: «Из тех, кто остался от роты, что-то формируют вон там.» Он помог мне поднять Кита и погрузить его в кузов. Мы поехали в то само место, но никого не нашли. Помню, какой там был смрад от порохового дыма – дышать было нечем... Тут я увидел, как из туч пыли кто-то идет по направлению ко мне.

Все еще было темно?

Нет, уже солнце всходило. Это был Том Данкен. Я говорю: «Том, я думал, что только мы с тобой и остались в живых,» а он мне: «Я думал, что я один остался в живых.» Мы прошли немного назад и залегли в чем-то вроде ямки. Говорю ему: «Том, ты голоден?» Он мне: «Да, конечно.» Я ему: «У меня есть галета и банка говядины в ранце. Вытащил все это, но оказалось, что пуля прошла через мой ранец, пробила банку с говядиной и пару чистых носков... Мы пролежали в той ямке минут десять, видели самолеты. Это были янки, и мы подумали: «Ну, вы - красавчики, ребята!»

Мы радовались, ведь мы видели, как они сбрасывают бомбы. Потом я говорю Тому: «Они вряд ли отбомбятся на достаточном расстоянии от нас.» А он говорит: «Едва ли они промахнутся мимо нас!» Они сбросили бомбы чуть ли не на нас, мы подлетели в воздух фута на четыре и хлопнулись на наши носы и колени.

Это было в первый раз, когда Вы увидели американские бомбардировщики?

Не совсем так. Я видел какое-то их количество, когда они пролетали над нами перед сражением. За пару дней до этого мы видели, как они прошли над нами и вернулись. Но тогда я впервые оказался под их долбаными бомбами. В других наших взводах от них погибло немало парней, но мы были и там, и тут, и повсюду, так что их [американцев] не за что винить. Там не разберешь, кто и где...

Это было утро 24 октября. Ну так вот, я говорю: «Не лучше ли двинуться назад и поискать остатки роты.» Нашли их к ночи, к тому времени они спили остатки нашей роты и Роты *D*. Роты *A* и *D*, то есть. Мне дали троих или четверых из *D*, ну и своих у меня было, вроде, трое. Вестовой, тот, который появлялся в предыдущую ночь, передал мне, что мы приостанавливаем наступление, так что я приказал всем окапываться, потому что будет контратака [противника].

Вы, должно быть, были измотаны, ведь две ночи не спали?

Да, так и было. Потом мы снова собрались идти в атаку, в 10 утра, и я сказал: «Каким образом мы собираемся снова атаковать? Откуда взять силы?» Люди спали, некоторые с лопатами в руках, и я подумал: «Господи прости, как я смогу разбудить их и погнать в атаку?» Однако я начал трясти парней со словами о том, что *джерри* могут пойти в атаку в любую минуту. Дальше самым трудным было заставить людей вытрясти песок из мешков [уложенных на брустверы], которые были заполнены им с таким трудом – мы должны были взять эти мешки с собой.

Это было самым тяжелым из того, что мне приходилось делать в жизни. Я знал, что люди просто обессилены. Так или иначе, мы вышли на стартовую линию, я посмотрел на часы – было ровно 10 утра. С начала наступления прошли всего сутки.

Эти парни, с которыми Вы был вместе долгое время, знали их, как самого себя... Должно быть, трудно было сознавать, что они убиты или ранены?

Да, конечно. После войны думаешь об этом чаще. А на войне вспоминаешь, что был с ним недавно в увольнительной...

Вы выросли на ферме – не думаю, что вы были особенно брезгливы?

Да нет, хотя, когда я впервые увидел мертвого парня, меня вывернуло. Это был немец. Он пролежал на солнце целый день, почернел, распух и лопнул. Боже мой, вообще, это чудо, что ты вырабатываешь иммунитет к таким делам. Превращаешься в машину, так полагаю. Меня это больше не беспокоило...

Тот парень, которого подстрелили в живот рядом с Вами, который звал мать... Вас это не потрясло?

Ну как... Только на секунду или две. Там столько всего происходило, времени нет, чтобы задумываться о чем-то. Итак, мы снова пошли в атаку и хорошо продвинулись к ночи. Там шли танковые бои, танки горели, мы видели, как парни выскакивают из танков, объятые пламенем, чувствовали смрад горячей плоти... Человек бежит, его руки и ноги в огне, потом другой просто вываливается из танка, наполовину сгоревший, весь черный... Поразительно, как долго иногда горят танки – иногда целую неделю. Помню, на вторую или третью ночь я на таком танке вскипятил котелок. Это что-то из разряда смешного. Даже в такие моменты находишь возможность пошутить...

Думаю, что на третью ночь стало полегче?

Да. Немцы откатились, а танковое сражение продолжалось. Мы еще видели их, но все уже так перемешалось. Просто так стрелять не станешь, потому что сначала надо убедиться в том, что там враг, а не свои же ребята.

Слева от нас были Горцы из 51-го Полка (Highlanders), и я помню, как они шли вперед при свете дня, при этом играли их волынщики. Люди падали, но они шли вперед. Ничего подобного я никогда не видел: настоящие храбрецы. Когда слышишь волынки, хочется встать и идти за ними.

Было ли у Вас понимание того, что происходит, или это был полный хаос?

Ну как, мы были в полной уверенности, что побеждаем. Мы об этом слышали, так все воспринимали... Так тяжело, как в первую ночь, больше не было ни разу. В какой-то вечер нас еще раз контратаковали, мы держались плечом к плечу, многих парней ранило, и мы не могли добраться до них – они остались где-то впереди... А вообще, иногда нам приходилось атаковать в том направлении, откуда мы пришли, или так казалось.

Были такие моменты, когда Вы думали о том, что лимит удачи для Вас близок к исчерпанию?

Нет. Так я никогда не думал. На самом деле, где-то в пятую ночь я записал в дневнике: «Я вполне уверен в том, что я выберусь отсюда в целостности и сохранности.» Потом мы атаковали противника 29-го или 30-го и взяли его позиции сравнительно легко, хотя потеряли двоих или троих парней. Мы остановились там, откуда *джерри* отступили, и, само собой, они знали, где эти позиции находились. Поэтому они засыпали нас артиллерийскими снарядами, плюс к тому там была куча мин-ловушек. Там у нас было много пострадавших. Кёрли (Curly) находился на посту прослушивания на отшибе, где-то на минном поле, и еще зацепило одного моего старого приятеля - Дика Баррела (Dick Burrell). Он попытался укрыться в своей ячейке, так ему всю спину изранило...

Он выжил?

Да. Был еще один парень. Он сидел на краю ячейки, прилетел снаряд, - взрыв, и парень падает прямо на нас. Кто-то сказал: «Слушай, ради Христа, слезь с моей спины.» А ему говорят: «Бог ты мой, да он мертв, а на нем нет ни царапины.» Должно быть, его убило взрывной волной.

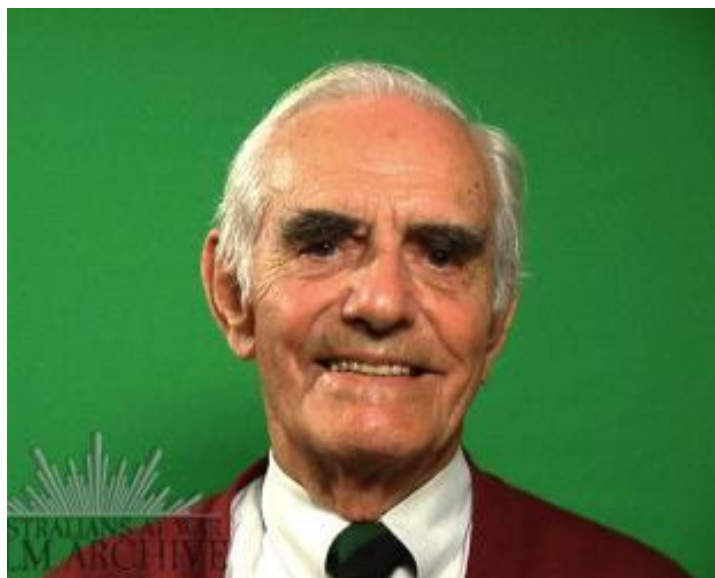
Когда ранило меня в икроножную мышцу, это тоже было неприятно. Зацепило меня, но боли не было. Скорее, нога онемела... Это случилось в ночь на 31-е. Осколок вошел в ногу и там остался. Когда его вынули, его отдали мне в качестве сувенира. Потерял его потом...

Прилетел снаряд... и меня закинули в санитарный фургон, а рядом со мной – Тома Данкена. Его ранило осколком того же снаряда. Перед этим Том и я отошли, чтобы разжиться водой, и уже возвращались. Было около часа ночи.

На этом для Вас война в Северной Африке закончилась?

Да, в госпитале, он был сразу на отшибе от Александрии, там были еще Кит Боулз, Том Данкен и чуть ли не все мое отделение. Я был последним из него, кого зацепило, - все отделение выбыло из строя. Потом я выписался из госпиталя, вернулся в батальон, но боевые действия там уже закончились.

Шесть недель я провел в госпитале, потом транзитный лагерь, потом небольшой отпуск в Александрии. Домой мы вернулись на судне *Aquitania*, в Сидней прибыли 27 февраля [1943 года], прекрасный был момент – мы шли по заливу, когда восходило солнце...

Джо Мэйдли в последние годы жизни

[2-я часть интервью – война на Тихом океане: Новая Гвинея и Борнео](#)

<https://www.griffonmerlin.com/wwii-interview/joe-madeley/>

<http://australiansatwarfilmarchive.unsw.edu.au/archive/1856-joseph-madeley>

Сокращенный перевод, компиляция и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org